

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІИ ОБЪ А. В. ГОРСКОМЪ.

Прошло уже двадцать-пять лѣтъ съ той поры, какъ Московская Академія съ единодушной, искренней и глубокой горестью опустила въ могилу того, въ комъ видѣла свое наилучшее и драгоцѣннѣйшее украшеніе. Конечно, въ жизни учрежденія четверть вѣка срокъ не большой, но не таковъ онъ для отдѣльныхъ лицъ. Оглядываясь теперь кругомъ въ средѣ своихъ сослуживцевъ, я съ трудомъ могу насчитать лишь какой-либо десятокъ такихъ, которые могли бы въ большей или меньшей степени назваться питомцами А. В. Горскаго,—для которыхъ съ этимъ именемъ соединяется живої образъ знакомой имъ и дорогой для нихъ личности. Эти уцѣлѣвшіе доселѣ, младшіе современники незабвеннаго А. В. сами теперь уже перешагнули далеко за половину жизни своей и переживаютъ такой возрастъ, когда чело-вѣку въ особенности свойственно оглядываться назадъ и жить воспоминаніями о своемъ прошедшемъ. Позвольте-же и мнѣ, какъ одному изъ нихъ, хотя немножко перенестись мыслію туда, назадъ за четверть вѣка.

И вообще говорится: „что пройдетъ, то будетъ мило“, но не потому только несетъ туда мысль моя. Вдумываясь въ самого себя, я, какъ и другіе мнѣ подобные, не можемъ не признать, что, если въ насъ имѣется что либо хорошее, то весьма значительной долей его мы обязаны нашей родной Академіи, а въ ней самой—больше всего великому благо-творному примѣру и вліянію Александра Васильевича. Въ прекрасные, но и самые опасные, годы жизни своей, въ пору лишь складывающихся убѣжденій, пробуждающихся и борящихся чувствъ и увлеченій, мы встрѣтили здѣсь такую

серьезную и благородную среду, такой высокій образецъ въ лицѣ ея главнаго руководителя, что безпредѣльную признательность за это великое благо можетъ изгладить въ душѣ нашей только могила. Вотъ эта то вѣчная признательность и просится теперь наружу, хочеть хотя сколько нибудь излиться въ усиленной попыткѣ воскресить предъ Вами то глубокое впечатлѣніе, которое нѣкогда производилъ на насъ, юныхъ тогда студентовъ, нашъ незабвенный о. ректоръ.

Собрались мы сюда въ Академію, какъ и теперь всегда бываетъ, со всѣхъ концовъ Руси великой, проучившись уже не мало лѣтъ и въ училищахъ и въ семинаріяхъ, испытавши вліяніе разныхъ начальниковъ, нерѣдко и достойнѣйшихъ и любимыхъ и оставившихъ намъ по себѣ наилучшую память. Вступая въ эту высшую богословскую школу, мы думали встрѣтить и здѣсь, во главѣ ея, что-либо подобное, можетъ быть еще болѣе достойное и высокое, но во всякомъ случаѣ обычное. Въ дѣйствительности-же оказалось совсѣмъ, совсѣмъ не то. Не „одинъ изъ многихъ“, не обычный о. ректоръ встрѣтилъ насъ здѣсь, а такой благолѣпный, величественный старецъ, отъ котораго прямо вѣяло чѣмъ-то совсѣмъ особеннымъ, не земнымъ, при созерцаніи котораго мысль невольно переносилась ко временамъ христіанской древности, искала параллелей въ великихъ вселенскихъ учителяхъ, Василии Великомъ, или Григоріи Богословѣ. Привлекала къ себѣ и самая внѣшность его. Хорошій ростъ, плотная осанистая фигура, большая совсѣмъ открытая голова съ одной лишь густой опушкой сѣдыхъ кудрей, окладистая, бѣлая какъ снѣгъ, борода, густыя нависшія брови надъ серьезными, въ высшей степени выразительными и безпредѣльной добротой свѣтящимися глазами, какая-то необыкновенная, лучезарная, прямо въ душу проникающая улыбка широкихъ устъ... все это производило глубокое, неотразимое впечатлѣніе. Люди совсѣмъ его не знавшіе и видѣвшіе въ первый разъ любовались имъ, заглядывались на него; до такой степени выдѣлялся онъ изъ ряда людей обычныхъ своимъ особеннымъ благолѣпіемъ. Два раза пришлось мнѣ быть очевидцемъ его случайныхъ служеній въ Москвѣ въ университетской и въ одной изъ приходскихъ церквей. При первомъ же его появленіи я видѣлъ въ народѣ пріятное изумленіе, слышалъ то тамъ то

здѣсь вопросы: „кто это?“, „откуда такая прелесть?“ И дѣйствительно, Александромъ Васильевичемъ можно было искренно любоваться!

Но если и не знавшіе его любовались имъ, то тѣ, кому привелъ Господь узнать, не могли не полюбить его и не благоговѣть предъ нимъ.

Прежде всего, насъ поражала и приводила въ изумленіе его необычайная ученость. Если въ этомъ отношеніи онъ удивлялъ даже самихъ ученыхъ, не только русскихъ, но и иностранныхъ, какъ Стэнли напр., если такой выдающійся русскій ученый какъ Срезневскій, называлъ Александра Васильевича „великаномъ русской науки“, въ сравненіи съ которымъ многіе другіе наши ученые казались „пигмеями“, то какимъ-же недосыгаемымъ колоссомъ представлялся онъ намъ-студентамъ?! Самая обстановка жизни его была совсѣмъ не обычна. Онъ буквально весь былъ обложенъ книгами. Два громадныхъ кабинета и спальная его ректорской квартиры представляли собою сплошное книгохранилище: по стѣнамъ большіе стеклянные шкафы, полки и этажерки съ книгами, середина комнатъ заставлена столами съ тѣми-же книгами, на диванахъ, на креслахъ, на стульяхъ — вездѣ книги, даже на полу тянутся сплошныя ряды книгъ, или возвышаются цѣлыя ихъ груды. Самъ А. В. занимается обыкновенно на большомъ мягкомъ диванѣ предъ раскрытымъ ломбернымъ столомъ. Весь этотъ диванъ его былъ заваленъ книгами: книги были и по бокамъ А. В-ча и за спиною его, и въ ногахъ на полу. Когда случалось приходиться къ нему къ вечернему чаю, то, чтобы сѣсть въ стоящее подлѣ кресло, нужно было сперва расчистить себѣ мѣсто на немъ, а слуга, приносившій маленькій самоварчикъ, не безъ труда успѣвалъ помѣстить его на краю стола, тоже заваленнаго книгами. Трудно было и представить себѣ, чтобы нашего о. ректора можно было застать иначе, какъ съ книгою въ рукахъ. И эта „палата знаній“ съ любовью была открыта для всѣхъ. Правда, самъ А. В. напечаталъ очень мало сравнительно съ тѣмъ, что могъ-бы напечатать при своихъ широкихъ познаніяхъ и неутомимомъ трудѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ жизни, почти всецѣло посвященной наукѣ; но помимо внѣшнихъ вліяній, были для этого и глубокія, внутреннія причины. Въ своей ученой дѣятельности А. В. обна-

руживать такія свойства, которыя характеризуютъ его какъ явленіе исключительное въ ряду людей, подвизающихся на томъ-же поприщѣ. Къ печатному слову онъ относился съ необычайнымъ уваженіемъ, которое нерѣдко тяжело отзывалось и на произведеніяхъ другихъ авторовъ, поступавшихъ къ нему на разсмотрѣніе. Онъ требовалъ, чтобы каждое выраженіе и даже каждое слово сочиненія, предназначавшагося къ печати, было строго обдуманно и вполне соотвѣтствовало своему назначенію. Такая требовательность еще въ гораздо большей степени находила себѣ примѣненіе въ отношеніи къ его собственнымъ трудамъ. Если онъ отдавалъ въ печать, то только уже такія произведенія, которыя казались ему обдуманными до послѣднихъ подробностей, а подобныя произведенія требовали, конечно, слишкомъ много времени для своей подготовки и потому не могли быть многочисленными. Но важнѣе всего то, что у А. В-ча не существовало тѣхъ побужденій, которыя въ большинствѣ случаевъ заставляютъ ученыхъ людей усиленно печатать свои работы. Къ ученой славѣ, къ общественному почету, къ матеріальнымъ выгодамъ онъ относился съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Если что могло побудить его къ печатанію своихъ трудовъ, то только необходимость исполнить чье либо требованіе. Еслибы, по инициативѣ митр. Филарета, Св. Синодъ не предписалъ составить полное описаніе славянскихъ рукописей синодальной бібліотеки, еслибы самъ митр. Филаретъ не возлагалъ прямо на А. В-ча ученыхъ работъ и еслибы не требовалось срочныхъ трудовъ для академическаго журнала или актовой рѣчи, то, мнѣ кажется, не имѣли бы мы въ печати и большей части тѣхъ сочиненій А. В-ча, какія въ настоящее время существуютъ. Посвятивъ всю жизнь свою научнымъ занятіямъ, онъ работалъ изъ чистой любви къ знанію, а потому давалъ мѣсто своимъ изслѣдованіямъ не на печатныхъ страницахъ, а карандашемъ на поляхъ тѣхъ книгъ и рукописей, которыя имъ читались, или на листкахъ тѣхъ частныхъ записокъ и писемъ, которыя никогда не предназначались къ печати. Этими замѣтками бібліографическаго, лингвистическаго, хронологическаго, критическаго и всякаго другаго научнаго содержанія, пользовался и доселѣ пользуется цѣлый рядъ ученыхъ поколѣній, находя въ нихъ иногда нѣкоторыя драгоцѣнныя указанія и

всегда благоговѣя предъ широкою эрудиціей ихъ автора. Но для насъ-студентовъ онъ самъ былъ живою энциклопедіей, которая раскрывалась предъ нами не просто съ доброю и снисхожденіемъ, а даже съ радостью, съ наслажденіемъ. По какому бы предмету ни задавалось намъ сочиненіе, мы, прежде всего, спѣшили за совѣтами и пособіями къ о. ректору. Мы такъ вѣровали во всеобъемлющую широту его учености, что намъ какъ-то и въ голову не приходила возможность такого случая, чтобы А. В. оказался несвѣдущимъ въ интересующемъ насъ вопросѣ. И съ искреннею радостью встрѣчалъ онъ каждаго изъ насъ, кто только обнаруживалъ дѣйствительное желаніе серьезно заняться своею работою. Хотя и вѣчно занятой, онъ никогда не жалѣлъ времени на бесѣду со студентомъ: забывая свои лѣта, онъ на колѣнахъ ползалъ по полу въ пыльных кипахъ нагроможденныхъ книгъ и никто не уходилъ отъ него съ пустыми руками. За ходомъ нашихъ работъ слѣдилъ онъ съ большимъ вниманіемъ. При каждомъ свиданіи, придетъ-ли къ нему студентъ въ качествѣ дежурнаго, или по своему какому-либо дѣлу, онъ не преминетъ завести разговоръ о его занятіяхъ, подробно разспроситъ о всемъ прочитанномъ, дастъ свой совѣтъ, иной разъ любовно поспоритъ съ увлекающимся юношей, который вынесетъ всегда изъ такой бесѣды великую пользу. Довольно часто совершалъ А. В. обходъ нашихъ занятныхъ студенческихъ комнатъ, всегда по вечерамъ, когда всѣ должны были сидѣть за своимъ дѣломъ. Переходя отъ стола къ столу, отъ конторки къ конторкѣ, изъ номера въ номеръ, А. В. останавливался у каждаго студента и бесѣдовалъ съ нимъ о его работѣ. Вотъ почему, хотя, при тогдашнемъ раздѣленіи академическихъ кафедръ по факультетамъ, мы далеко не всѣ, какъ и я въ томъ числѣ, были непосредственными слушателями А. В.-ча, но всетаки всѣ въ сущности были его учениками.

Рѣдкая ученость соединялась въ А. В.-чѣ съ еще болѣе рѣдкою силою вѣры. Трудно и представить себѣ болѣе гармоническое сочетаніе умственнаго и религіозно-правственнаго развитія человѣческой личности. Пламенная и непоколебимая вѣра была основою и его научной дѣятельности. „Во время самыхъ сильныхъ болѣзненныхъ кризисовъ западной богословской науки“, говорить одинъ изъ выдаю-

щихся учениковъ покойнаго, — „кризисовъ, неизбежно отражавшихся болѣе или менѣе сильно и у насъ, особенно въ высшей школѣ, онъ могъ воскликнуть со св. Златоустомъ: сильныя волны, жестокая буря, но я не боюсь потопленія, потому что стою на скалѣ; пусть воетъ буря, пусть ярятся волны, онѣ ничего мнѣ не сдѣлаютъ“. Онъ стоялъ на несокрушимой скалѣ своей глубокой вѣры. Какъ въ ученыхъ трудахъ, такъ и въ академическихъ лекціяхъ, онъ всегда являлъ себя не только строго-научнымъ изслѣдователемъ, но и пламенно-вѣрующимъ человѣкомъ, что особенно ярко свѣтило въ его жизни. Не принимая на себя иноческихъ обѣтовъ, А. В. по жизни своей былъ всегда самымъ строгимъ монахомъ. Чистый дѣвственникъ, онъ и въ пищѣ отличался необычайною скромностію и воздержностію. Добровольно наложивъ на себя обѣтъ не вкушать мяса, онъ строго держался его въ продолженіи многихъ лѣтъ до самой своей смерти. Высшимъ для него наслажденіемъ было участіе въ общественномъ богослуженіи; дни приобщенія Св. Таинъ отмѣчались въ дневникѣ его, какъ дни высочайшей духовной радости, а потому принятіе священнаго сана было истиннымъ торжествомъ для его религіозно-настроеннаго духа. Благодаря именно его ревностнымъ стараніямъ, въ зданіи Академіи была устроена домовая церковь, которая стала предметомъ самыхъ горячихъ заботъ его и попеченій. Не проходило ни одного праздничнаго дня, когда А. В. уклонился бы отъ совершенія богослуженія, а когда онъ былъ въ храмѣ возвышенное религіозное настроеніе такъ глубоко проникало его, что невольно отражалось во всемъ его существѣ и производило сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. По отзыву тѣхъ, которымъ приходилось служить вмѣстѣ съ А. В., ихъ охватывалъ нерѣдко благоговѣйный трепетъ, когда онъ со слезами восторженнаго умиленія предстоялъ престолу Божію и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произносилъ священные слова литургіи. Глубоко западали въ душу слушателей и слова назиданія, съ которыми онъ нерѣдко обращался къ своимъ питомцамъ въ церковныхъ поученіяхъ, особенно во дни приобщенія. Каждый невольно чувствовалъ и понималъ, что не искусственные плоды краснорѣчія касаются его слуха, а такія слова, которыя прямо исходятъ отъ пламенѣющаго вѣрою и любовью сердца. Въ храмѣ, во

время богослуженія, религиозное чувство о. ректора обнаруживалось, конечно, съ особенною силою; но и внѣ храма и всегда оно было въ немъ господствующимъ, представляя живой назидательный примѣръ исполненія апостольской заповѣди: „непрестанно молитесь“. Читая дневникъ А. В-ча, нельзя не замѣтить, что каждое сколько-либо выдающееся явленіе обыденной жизни наводитъ его прежде всего на религиозныя размышленія; каждое сомнѣніе, недоумѣніе, огорченіе располагаетъ его къ молитвѣ и побуждаетъ искать подкрѣпленія, назиданія и утѣшенія въ чтеніи Св. Писанія. Новый Завѣтъ былъ его постоянною настольною книгою, его неизмѣннымъ совѣтникомъ и руководителемъ. Самъ проникнутый глубокимъ религиознымъ чувствомъ, А. В. всѣми силами старался воспитать его и въ своихъ питомцахъ. При всякомъ удобномъ случаѣ онъ внушалъ намъ необходимость неопустительнаго посѣщенія церковнаго богослуженія; когда мы иной разъ отговаривались спѣшной работою въ виду приближенія срока сочиненія, онъ убѣждалъ насъ, что „все написанное во время богослуженія въ прокъ не пойдетъ“, какъ лишенное Божьяго благословенія. Заботился онъ и о томъ, чтобы домашняя молитва въ студенческихъ комнатахъ ежедневно, особенно во время поста, совершалась по установленному порядку и нерѣдко самъ приходилъ для присутствованія на этой молитвѣ. И ничто такъ сильно не дѣйствовало на насъ какъ его собственный живой примѣръ. Не думайте однако, что онъ хотѣлъ сдѣлать изъ насъ непремѣнно монаховъ и требовать отъ насъ лишь молитвенныхъ подвиговъ. Нѣтъ, и свѣтскія благородныя развлеченія для нашей юности онъ признавалъ вполне естественными и законными. При немъ, именно въ наше время, студенческіе номера впервые огласились звуками рояля, который мы приобрѣли и снабдили ассортиментомъ нотъ, склонивъ къ пожертвованію тогдашняго почетнаго блюстителя Академіи и устроивъ подписку между собою и между профессорами.

Еще въ 1854 г., въ день св. Пасхи, А. В. писалъ въ своемъ дневникѣ: „ударъ колокола къ утрени на свѣтлый день засталъ меня на этихъ словахъ Евангелія Іоанна: „о семь разумѣютъ вси, яко моя ученицы есте, аще любовь имате между собою“. Мнѣ показалось это знаменательно для меня, нужно мнѣ часто повторять эту заповѣдь о любви“. Вся

послѣдующая жизнь А. В-ча служила доказательствомъ того, что онъ не только не забылъ этой заповѣди, но какъ-бы воплотилъ ее въ себѣ, такъ что широкая, истинно-христіанская любовь была господствующей характеристической чертой всей его нравственной личности. Болѣе чѣмъ кто либо другой это чувствовала та многочисленная семья юныхъ питомцевъ, во главѣ которой онъ былъ поставленъ. Его отношенія къ намъ—студентамъ имѣли совершенно-своеобразный характеръ: высокопоставленный, властный и строгій начальникъ совсѣмъ стушевывался въ немъ за кроткимъ, горячо-любящимъ отцомъ. Чрезвычайно рѣдко можно было видѣть его гнѣвнымъ и грознымъ; никакого страха мы никогда предъ нимъ не испытывали, не потому чтобы онъ былъ слишкомъ слабъ и потворствовалъ нашимъ слабостямъ, а потому что „страха пѣсть въ любви, но совершенна любви вонь изгоняетъ страхъ“. Его укоряющій взглядъ, его глубокой горестный вздохъ, одно слово его кроткаго назиданія дѣйствовали на насъ сильнѣе всякихъ грозныхъ выговоровъ. Мы хорошо знали, что каждый нашъ проступокъ глубоко огорчитъ его, а потому старались быть осторожнѣе не изъ страха гнѣва и наказанія, а только чтобы не „разстроить и не огорчить А. В-ча и не заставить потомъ себя переживать тяжкія минуты стыда и раскаянія. И мы и наши ближайшіе начальники до такой степени благоговѣли предъ нравственною чистотою о. ректора, что прикасаться къ ней съ какими либо низменными дрызгами обиденной дѣйствительности казалось какимъ-то святотатствомъ. Если обнаруживалось какое либо печальное явленіе въ студенческой жизни, прежде всего старались о томъ, чтобы о немъ, по крайней мѣрѣ во всей наготѣ его, не узналъ о ректоръ. Никто не сомнѣвался нисколько въ силѣ его всепрощающей любви, но всѣмъ было невыразимо больно причинять ему глубокое разстройство и огорченіе. Провиниться въ чемъ либо и подвергнуться кроткому укору о. ректора было иногда для студента истинною пыткой, а поводы къ ней встрѣчались, конечно, не рѣдко. А. В. имѣлъ напр: обыкновеніе посѣщать неожиданно профессорскія лекціи и заставлялъ иногда въ аудиторіи студентовъ въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ бы слѣдовало. Въ такихъ случаяхъ онъ приказывалъ дежурному студенту переписать всѣхъ отсутствующихъ

щихъ въ журналъ, гдѣ велся отчетъ о дневныхъ занятіяхъ. Послѣ подобной переписи долгое время провинившимся студентамъ приходилось расплачиваться за свою провинность. Каждый день, когда очередной дежурный являлся съ журналами къ о. ректору, А. В. прежде всего отыскивалъ роковую страницу переписи, и если находилъ въ ней фамилію явившагося, начиналъ журить его за допущенную нѣкогда неисправность. Вынести эти кроткіе укоры, слушать эти глубокіе вздохи было хуже всякаго наказанія. Но не столько начальникъ и ректоръ слышался намъ въ этихъ укорахъ и вздохахъ, сколько любящій, огорченный отецъ. Однажды мы какимъ-то, должно быть выдающимся, проступкомъ сильно огорчили А. В-ча. Вечеромъ этого дня, часу въ десятомъ, въ нашихъ номерахъ разнесся слухъ, что къ намъ идетъ о. ректоръ. Мы тотчасъ-же догадались, что идетъ онъ со специальною цѣлію журить насъ за наши дѣянія. Вдругъ кому-то изъ насъ блеснула счастливая мысль, которая тотчасъ-же и приведена была въ исполненіе. Мы быстро собрались въ тотъ номеръ, гдѣ обыкновенно совершалась молитва и несмотря на то, что время, назначенное для нея, еще не наступило, одинъ изъ насъ взялся за книгу и мѣрнымъ голосомъ, съ чувствомъ, началъ какъ-бы уже давно продолжающееся чтеніе. Едва мы успѣли устроиться, какъ дверь отворилась и вопель А. В. Строгіи взглядъ, насупившіяся брови ясно свидѣтельствовали о томъ, въ какомъ настроеніи и съ какою цѣлію пожаловалъ къ намъ о. ректоръ. Помолникъ мы на этотъ разъ такъ, какъ не часто приходится молиться, голосъ чтеца звучалъ съ особенною выразительностію, низкіе поклоны видѣлись въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ обыкновенное время, и съ замираніемъ сердца слѣдили мы за выраженіемъ лица дорогаго о. ректора. Чѣмъ дальше продолжалась молитва, тѣмъ строгіи взглядъ его становился все мягче и мягче, а когда прозвучали послѣднія слова заключительнаго пѣснопѣнія, свѣтлая, любящая улыбка уже сіяла на его кроткомъ лицѣ. Глубоко вздохнулъ онъ, глядя на насъ, и сказалъ: „пришелъ было я съ вами браниться,—ну, да ужъ Богъ простить!“ Затѣмъ низко поклонился и вышелъ изъ комнаты. И долго еще послѣ его ухода мы никакъ не могли опомниться подъ вліяніемъ того впечатлѣнія, какое произвело на насъ это досто-

памятное посѣщеніе.—И любили мы А. В-ча именно какъ отца. Въ наше время въ средѣ студентовъ не было ему и другаго имени, какъ „папаша“. Никто изъ насъ не говорилъ: „пойду къ о. ректору“, или „меня зоветъ ректоръ“, а непременно: „пойду къ папашѣ, или „меня зоветъ папаша“. И шель къ нему каждый изъ насъ со всѣми своими нуждами и горестями, какъ къ родному отцу. Постигало-ли студента какое-либо семейное горе, онъ шель за совѣтомъ и утѣшеніемъ къ папашѣ. Понадобились-ли ему деньги, чтобы помочь ради какой либо случайности своей бѣдной семьѣ, или просто чтобы поѣхать на праздникахъ на родину, „Братства“ тогда не было и онъ шель просить въ займы у того-же папаша. И встрѣчалъ онъ здѣсь всегда отеческій пріемъ. Отеческій, прежде всего, даже по самой внѣшней формѣ. Нерѣдко, бывало, выйдетъ къ нему папаша въ одномъ подрясникѣ, ласково возьметъ подъ руку, иной разъ обниметъ даже, и начнетъ тихонько прохаживаться по комнатамъ, выслушивая и спрашивая пришедшаго о его нуждахъ и горестяхъ. И утѣшалъ онъ горяющихъ, и щедрою рукою раздавалъ на право и наѣво свои деньги, такъ что, отдавая все другимъ, при всей своей личной умѣренности, не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ книгъ. Не только встрѣчалъ онъ всякую нужду съ готовностію помочь, но и самъ шель къ ней на встрѣчу, безъ всякаго вызова. Кто изъ питомцевъ А. В-ча не помнитъ напр. съ какою нѣжною заботливостію относился онъ къ каждому заболѣвшему студенту, которому приходилось помѣститься въ больницѣ. Навѣститъ академическую больницу папаша считалъ своимъ священнымъ долгомъ почти каждую недѣлю, а въ особенныхъ случаяхъ и гораздо чаще. Съ каждымъ больнымъ студентомъ онъ непременно побесѣдуетъ, спроситъ его по здоровью, о дѣлахъ семейныхъ, о занятіяхъ; подкрѣпитъ и утѣшитъ своимъ любящимъ словомъ, а вернувшись къ себѣ, пришлетъ еще какой ни будь гостинецъ, или книжку для легкаго чтенія. Съ особенною нѣжностію относился онъ, конечно, къ лучшимъ студентамъ и главнымъ образомъ къ только что поступившимъ и дальнимъ по происхожденію, всѣми силами стараясь вознаградить ихъ своею ласкою за непривычную и долгую разлуку съ семьей. Одинъ изъ первыхъ по успѣхамъ студентовъ, уроженецъ далекаго юга, только

что принятый въ академію, рассказывалъ мнѣ, что въ день его именинъ А. В. неожиданно призвать его къ себѣ и вмѣстѣ съ ласковой бесѣдой предложилъ ему персикъ и еще какой-то десертъ, чтобы по возможности утѣшить именинника, оторваннаго отъ далекой родины. Можно себѣ представить, какое неизгладимое впечатлѣніе должна была оставить эта отеческая ласка всѣми глубокоуважаемаго начальника въ сердцѣ юноши, не ожидавшаго, конечно, ничего подобнаго. А такія проявленія любви и ласки каждый изъ насъ видѣлъ со стороны нашего общаго дорогаго папаша почти на каждомъ шагу. Вотъ почему въ сердцахъ своихъ питомцевъ этотъ незабвенный папаша Александръ Васильевичъ оставилъ такой глубокій слѣдъ, который можетъ изгладиться только съ самой жизнію. Вотъ почему его имя всегда было для насъ и останется святыней!

В. Соколовъ.
